

Іовъ Базилевичъ, епископъ Переяславскій и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины (1771—1776).

Историко-біографическій очеркъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій обзоръ эпохи.

I.

Происхожденіе и характеръ западно-русской церковной уніи. Противодѣйствіе ея вліянію со стороны православнаго украинскаго населенія.

Въ исторіи правобережной Малороссіи, наиболѣе крупнымъ фактомъ является борьба съ уніей. Въ теченіе двухъ столѣтій она безраздѣльно господствовала здѣсь надъ всѣми явленіями общественной жизни. Въ исторіи народовъ бываютъ вообще эпохи, когда одно событіе оказываетъ вліяніе на цѣлый рядъ событій дальнѣйшихъ, наполняетъ собою на долгое время внутреннее содержаніе жизни народовъ, даетъ тонъ и направленіе дѣятельности лучшихъ его представителей. Такія эпохи обыкновенно сопровождаются высокимъ подъемомъ народнаго духа, пробужденіемъ энергіи, усиленіемъ національнаго чувства и самосознанія... Но въ то время, какъ одни изъ такихъ выдающихся историческихъ событій, являясь воплощеніемъ началъ, соответствующихъ народнымъ желаніямъ и народному духу, производятъ указанное благотвор-

ное дѣйствіе путемъ мирнаго развитія и обнаруженія его лучшихъ сторонъ,—другія, наоборотъ, приводятъ къ тѣмъ же результатамъ при постоянномъ противодѣйствіи народа выраженнымъ въ немъ принципамъ, при упорной и напряженной борьбѣ между ними. Народъ, конечно, выходитъ, какъ и всегда будетъ выходить, побѣдителемъ, потому что сила народнаго духа крѣпче искусственныхъ преградъ, полагаемыхъ для его развитія, но побѣда покупается дорогою цѣной. Борьба поглощаетъ не только отдѣльныя единицы, но и цѣлыя поколѣнія, умирающія съ горькимъ сознаніемъ безнадѣжныхъ своихъ усилій...

Борьба съ унией принадлежитъ къ послѣдней категоріи событій. Вызванная къ жизни искусственными соображеніями, а не дѣйствительными потребностями народа, униа не могла привиться къ народному міросозерцанію, воспитанному съ глубокой древности на православныхъ традиціяхъ, и поневолѣ должна была увеличивать кругъ своихъ поклонниковъ насильственными мѣрами¹⁾. Но не въ однихъ только рели-

¹⁾ Съ какою трудностію прививалась на Украинѣ униа, можно судить по разсказу очевидца и участника событій изъ самой отдаленной старины. Въ Бѣлоцерковской протопопіи проживалъ въ описываемую нами эпоху старецъ Іосифъ Руденко, родившійся въ 1698 году и бывшій Бѣлоцерковскимъ протопопомъ еще при Кириллѣ Шумлянскомъ. Разсказывалъ онъ слѣдующее. Когда Кириллъ Шумлянскій перешелъ въ Россію и духовнымъ администраторомъ Украинны сдѣлался униатскій митрополитъ Левъ Кишка (то было время торжества униі—послѣ Замоискаго собора 1720 года), послѣдній тотчасъ же издалъ универсалъ ко всему духовенству, предписывавшій ему собраться въ Житомирѣ 1 сентября 1726 года. „Въ коемъ числѣ и мнѣ повелѣно,—разсказываетъ о. Руденко—куда я и пріѣхалъ съ тридцатью своей протопопіи священниками, а прочіе не хотѣли поѣхать. Въ кое время въ ономъ же мѣстечку митрополитъ Кишка, архимандритъ Каневскій Θεодосій Рудивскій и Андрей Бекепскій, архимандритъ Овручскій униатскіе были. А какъ всѣхъ протопоповъ принуждено присягать на унию, устрашал отобравіемъ протопопій, приходовъ и имуществъ, то и меня на остатку призвано съ моими священниками присягать на унию, гдѣ я со всѣми своими священниками не пристаъ тогда. Крикъ великой и соръ въ церкви здѣлался. Заразъ вычтано отъ его митрополита выданный декретъ, чтобы насъ со-

ріозныхъ несогласіяхъ и релігійнонь антагонизмъ заключається сущность исторической борьбы уніи съ православіемъ. Это не была борьба на теоретической только почвъ, борьба убѣждений, характеризующая эпоху христологическихъ споровъ въ Византії, когда народъ, раздѣлившись на враждебныя другъ другу партіи, съ ожесточеніемъ спорилъ на площадяхъ, рынкахъ, въ театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ о предметахъ высокой догматической важности и тонкаго богословскаго пониманія. Простой украинскій народъ въ самой незначительной степени постигалъ догматическія разности, отличающія одно вѣроученіе отъ другого. Теоретическую защиту родной вѣры онъ поручилъ своимъ духовнымъ вождямъ—пастырямъ, а самъ шелъ на борьбу съ уніей, часто съ оружіемъ въ рукахъ, за *народность*.

Дѣло станетъ яснымъ, если мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что унія при самомъ же возникновеніи своемъ сдѣлалась орудіемъ политическихъ цѣлей и, такимъ образомъ, получила значеніе силы не столько релігійной, сколько общественно-политической. Правительство Польши, давая право гражданскаго существованія уніи, имѣло въ виду, что эта средняя форма между католичествомъ и православіемъ послужитъ связующимъ звеномъ между польскимъ и русскимъ населеніемъ, сгладитъ разницу крови и вѣры, которая всегда служила неодолимымъ препятствіемъ къ достиженію единства

всѣмъ отъ приходовъ отгацать и имущество отобрать, а на тіе приходы уніатовъ присылать, гдѣ заразъ велѣно атаману дѣдовскому Кондрату, дабы зъ насъ рясъ посинимать. Онъ, атаманъ, сказывалъ мнѣ: я не вѣдалъ, за что съ насъ велѣно рясъ снимать, ажъ то вижу—за православіе, что не хотите пристаать на унію; ходите жъ, батьки, я вамъ спустъ горѣлки булю, то выпивши пойдете до своихъ домовъ. Наконецъ, призвано меня съ моими священниками до Митрополита, гдѣ приказали мнѣ до всѣхъ подъ вѣдомствомъ моихъ церквей уніатскіе антиминсы и миро отобрать, но я говорилъ: на что намъ антиминсы да миро, когда насъ отрунули отъ приходовъ? На что Рудяцкій-архимандритъ отвѣт-

въ польскомъ государственномъ организмѣ¹⁾. Эта тенденція проходитъ чрезъ важнѣйшія законодательныя конституціи Польши²⁾. Въ стремленіи къ указанной цѣли правительство опиралось на симпатіи и поддержку такихъ могущественныхъ силъ, какъ католическая церковь и польское дворянство. Церковь считала унію мостомъ къ латинству, а польская шляхта если не всегда видѣла въ распространеніи уніи государственныя цѣли, то за то всегда получала въ этомъ дѣлѣ удовлетвореніе своей ненависти ко всему русскому, православному.

И вотъ, подъ знаменемъ религіи начался походъ на русскую народность... Высшіе русскіе дворянскіе роды не устояли въ борьбѣ. Воспитанные въ іезуитскихъ школахъ, они были оторваны отъ родной почвы. Чувство связи съ народомъ, въ которомъ единственно они могли бы почер-

ствовалъ: Его Пресвященство повелѣлъ для публѣки декретъ феровать, что много шляхты съѣхалось, дабы видѣли, что вы не безъ кары остаетесь, а вы не уважайте на то, какъ священнодѣйствовали прежде, такъ и теперь священнодѣйствуйте. Съ тѣмъ мы и отѣхали оттуда въ своя дома... Церкви жъ уніатской—повѣствуетъ въ заключеніе о. Руденко—по всей Украинѣ ни единой не было“ (Арх. Подол. Конс. о. 1773 г. № 360, л. 4),

¹⁾ Антоновичъ В. Б. Монографія по исторіи Западной и Юго-Зап. Россіи. (Кіевъ, 1885 г.), Т. I, стр. 231; Толстой Д. А. Римскій католицизмъ въ Россіи (СПб. 1876). Т. I, стр. 246; Костомаровъ Н. И. Последніе годы Рѣчи Посполитой (СПб. 1870) стр. 48; Соловьевъ С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ (СПб. 1895). Изд. Т—за „Общ. Польза“. Кн. VI, стр. 128; Pelesz Julian. Geschichte der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart (Wien, 1880) В. II, s. 482—483; Malinowski M. R. Die Kirchen und Staats-Satzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galicien (Lemberg, 1861), s. s. 289; 885 u. a.

²⁾ Volumina legum (Petersburg. 1859—1860), Т. V, стр. 14, 139—140; VI, стр. 15. Въ одной польской рукописи находимъ слѣдующій характерный взглядъ: „счастлива была бы Польша, если бы въ ней жили одна ея католики: нѣтъ народа болѣе чистаго и болѣе вѣрнаго Богу, чѣмъ народъ польскій; его испортили только чужіе народы, напитавъ его своимъ духомъ“. Вѣстникъ Юго-Зап. и Зап. Россіи, 1863 г. т. IV, стр. 52.

пять силу и вдохновеніе для борьбы, въ нихъ давно заглохло. Переходъ въ унию, а затѣмъ въ латинство былъ, кромѣ того, заманчивъ. Онъ сопровождался пріобрѣтеніемъ привилегій, которыхъ они не могли имѣть въ прежнемъ своемъ положеніи¹⁾. Но простой украинскій народъ чуткимъ и безошибочнымъ инстинктомъ понялъ надвигавшуюся опасность и, не смотря на матеріальное и духовное порабощеніе, вступилъ въ борьбу съ непріателемъ. Съ удивительною стойкостью и безпримѣрной энергіей онъ выдерживалъ эту борьбу на своихъ плечахъ въ теченіе двухъ вѣковъ, пока, наконецъ, могущественная сила народнаго духа не одержала побѣды надъ враждебными покушеніями на его самобытность.

II.

Диссидентскій вопросъ въ эпоху преосвящ. Іова. Сеймъ 1767—68 г.г. Барская конфедерація и Гайдамацкій бунтъ. Вліяніе этихъ событій на характеръ отношеній между православнымъ и польско-уніатскимъ населеніемъ Украины.

Эпоха, на которую падаетъ дѣятельность преосвящ. Іова, представляетъ заключительный актъ великой украинской драмы. Унія, обнаруживъ въ теченіе двухъвѣкового существованія полную несостоятельность въ проведеніи указанныхъ ей политическихъ и религіозныхъ тенденцій и ознаменовавъ свое господство непрерывнымъ рядомъ насилій, доживала послѣдніе дни... Казалось бы, въ этомъ процессѣ саморазложенія она должна была обезсилѣть, лишенная внутренней и вѣншей точки опоры сойти въ могилу, никѣмъ незамѣченной, никому не нужной, оставивъ по себѣ лишь печальную память, какъ неудачный опытъ соглашенія политическихъ цѣлей съ

¹⁾ Антоновичъ, Монографія. . стр. 283—284, 287; Соловьевъ, Исторія Россіи.. стр. 129; Malinowski, Die Kirchen und Staats-Satzungen... S. 12.

религіозными интересами. Но вышло иначе. Никогда она не проявляла столько живучести—упорной, поразительной, какъ именно въ это время. Никогда пропаганда ея не сопровождалась такой фанатической ревностью и неслыханными насиліями, а борьба съ нею не носила такого остраго характера, какъ именно теперь. Правда, то были послѣднія судорожныя движенія, еще болѣе ускорившія ея гибель, подобно тому, какъ вслѣдъ за предсмертными судорогами умирающаго отлетаетъ послѣдній вздохъ изъ его груди, или вслѣдъ за ярко вспыхнувшимъ пламенемъ нагорѣвшаго свѣтильника наступаетъ совершенная темнота. Но все же эта послѣдняя вспышка ея жизни принесла много зла украинскому населенію, этотъ послѣдній приливъ энергіи въ ея обезсиленное тѣло стоилъ многихъ слезъ и крови... Весь трагизмъ завязавшейся борьбы заключался опять таки въ указанномъ нами обстоятельстве: борьба исходила не изъ однихъ религіозныхъ основаній, въ ней были затронуты существеннымъ образомъ національные интересы обѣихъ сторонъ.

Произошли въ ту пору особыя политическія событія, имѣвшія важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи Польскаго государства и, въ частности, повліявшія на ухудшеніе взаимныхъ отношеній между враждовавшими сторонами. То были—сеймъ 1767—68 г.г. съ его трактатомъ, Барская конфедерація и Гайдамацкій бунтъ. Событія эти объединялись тѣсною органическою связью между собою. Одна и та же причина вызвала ихъ появленіе—религіозная и національная рознь, и къ однимъ и тѣмъ же результатамъ они привели—къ усиленію этой розни до послѣдней степени.

Сеймъ 1767—68 г.г. отнесся къ т. н. диссидентамъ благопріятно. Его постановленія отличаются характеромъ безпристрастія, вѣротерпимости и миролюбія, и чужды фанатизма, который проникалъ большинство прежнихъ законодательныхъ конституцій, направленныхъ къ рѣшенію диссидентскаго вопроса. По трактату 1768 г. диссидентамъ была

¹⁾ Полное Собрание законов Российской Имперіи съ 1649 года (СПб. 1830). Т. XVIII, № 13071, стр. 418; Volum. leg. t. VII, str. 250—276; Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. времен. ком. для разбора древнихъ актовъ. Ч. I, т. 2, стр. 612.

2) Соловьев, История России... т. XXV, стр. 415—441; Косогомаров, Последние годы Пётра Великого 85—100. Киевской Духовной Академией и Семинарий, <http://kdais.kiev.ua>

русскаго посла,— все эти явленія, происходившія на сеймѣ, едва ли могли свидѣтельствовать о поворотѣ польскаго общественнаго настроенія въ пользу православныхъ жителей Польши. А происходившія въ это время польскоуніатскія насилія на всемъ пространствѣ Украйны лучше всего освѣщаютъ дѣйствительное состояніе этого настроенія.

Постановленія сейма привели въ неописанное негодованіе польское общество¹⁾. Вслѣдъ за окончаніемъ сеймовыхъ засѣданій была отправлена къ Репнину делегация съ просьбою объ отмѣнѣ вынужденныхъ силою постановленій, но она, какъ свидѣтельствуєтъ уніатскій историкъ, „получила у этого сатрапа грубой, кабацкій приємъ (*karczemne przyjęcie*)“²⁾. Въ весьма непродолжительномъ времени, при первыхъ же слухахъ о неудачной войнѣ Россіи съ Турціей, были посланы посольства съ такими же цѣлями ко всемъ европейскимъ дворамъ, въ томъ числѣ и къ русскому³⁾. Каковъ былъ результатъ посольскихъ миссій, неизвѣстно, но для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе не успѣхъ или безуспѣшность ихъ, а самый фактъ ихъ, какъ показатель дѣйствительнаго настроенія польскаго общества послѣ сейма 1768 года.

Впрочемъ, народное негодованіе приняло скорѣе болѣе реальныя формы. Образовалась Барская конфедерація, объявившая смерть всему русскому и православному⁴⁾. Подъ духовнымъ водительствоиъ и вдохновляющимъ вліяніемъ та-

¹⁾ Likowski Edw. x, *Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku* (Poznań, 1880), str. 99.

²⁾ Ibid. str. 100.

³⁾ Соловьевъ С. М. *Исторія паденія Польши* (Москва, 1863), стр. 105.

⁴⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи...* Кн. VI, стр. 517; Костомаровъ, *Послѣдніе годы...* стр. 100; Кояловичъ М. *Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ* (СПБ. 1873), стр. 37—88, Theiner, Aug. *Die neusten Zustände der Katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Russland Seit Katharina II bis auf unsere Tage* (Augsburg, 1841), s. s. 212. 252.

кихъ испытанныхъ бойцовъ католицизма, какъ епископы—каменецкій Адамъ Красинскій и краковскій Каэтанъ Солтыкъ, Барская конфедерація залила кровью всю Украину ¹⁾. Конфедератскіе отряды, рассыпавшись по Украинѣ, вымещали на хлопахъ права, полученныя послѣдними на сеймѣ 1768 года ²⁾,—права, дарованіе которыхъ было простымъ актомъ справедливости и милосердія, а въ глазахъ фанатической польской шляхты и ея апологетовъ—актомъ безразсудства и неправды ³⁾. Украинскій народъ находился въ то время, по свидѣтельству человека, хорошо знавшаго его положеніе—епископа Гervasія, „въ таковой тѣснотѣ и пуждѣ, какова была развѣ во времена апостольскія“ ⁴⁾.

Изъ нѣдръ народнаго духа поднялся протестъ—грозный, могучій... Онъ давно уже созрѣвалъ, то выражаясь въ скрытомъ, глухомъ недовольствѣ, то проявляясь, по временамъ, въ болѣе ощутительной формѣ—наѣздахъ гайдамацкихъ „загоновъ“ ⁵⁾. Вѣковое рабство и гнетъ давно уже создали на польско-украинской территоріи напряженную атмосферу, гдѣ не доставало лишь искры, чтобы гроза разразилась. Искра была брошена, и взволнованныя страсти prorвались наружу съ неудержимой силой... Еще не закончился сеймъ 1768 г., какъ въ мотренинскихъ лѣсахъ уже зачитывались грамотою Желѣзняка. „Коронные обыватели,—говорилось въ ней—живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! На

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. 3, стр. 734; Костомаровъ, стр. 100; Антоновичъ, Монографія... I, 274; Herrman Aug. Die Geschichte Russlands (Dresden, 1826), B. IV, s. 6.

²⁾ Костомаровъ, Последніе годы... стр. 100. „Мы тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобы онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ!“—говорили конфедераты Мелхиседеку по пріѣздѣ его изъ Варшавы (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. 2, стр. СХХI).

³⁾ Pelesz, Geschichte der ruthenischen Kirche... s. 520.

⁴⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. 2, стр. ССІ.

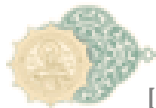
⁵⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 3; Кулишъ П. Записки о южной Руси (СПб. 1856), т. I, стр. 92—93

ступило время выбиться из неволи, освободиться от ярма и тягостей, которые вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія... Теперь пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдираательства“¹⁾... Народъ поднялся на этотъ призывъ, и широкая волна ненависти народной покатила безъ удержу отъ края до края Украины, уничтожая на своемъ пути все польское, латинское, униатское, жидовское... Въ народной расправѣ сказались не страсть къ грабежу и разбою, не порывъ къ удовлетворенію дикихъ инстинктовъ²⁾,—это была болѣзненная, конечно, но неизбежная реакція безправнаго и забитаго народа, измученнаго вѣковымъ гнетомъ, систематическимъ порабощеніемъ, религіозными гоненіями, оскорбленнаго въ самыхъ естественныхъ человѣческихъ правахъ. И если это народное движеніе будетъ отмѣчено кровавыми слѣдами въ исторіи XVIII вѣка, то едва ли на позоръ „московской схизмѣ“, какъ полагаетъ униатскій историкъ³⁾...

¹⁾ Костомаровъ, Последніе годы Р. II., стр. 102.

²⁾ Polesz I., Geschichte d. ruthen. Kirche.. s. 527.

³⁾ Likowski E., Dzieje kósc. unick. str. 116. Одинъ современникъ описываемой эпохи такъ характеризуетъ положеніе украинскаго крестьянина въ это время:—„и nas chłopek jedno jest co byde, które przedajemy, kupujemy, targujemy, do roboty pręzimy, jak nam się podoba“ (у Корзон'а Тад. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Krakow, 1882. Т. I. Str. 380). Что „Уманская рѣзня“ была протестомъ противъ безправія и гнета, въ этомъ убѣждены какъ современники ея, притомъ авторитетные, хорошо знавшіе народную жизнь въ силу своего служебнаго положенія—гр. Румянцевъ (Кіев. Стар. 1890 г. т. XXX, стр. 212). гр. Штакельбергъ (Соловьевъ, Ист. Россія.. стр. 1076), такъ и новѣйшіе лучшіе изслѣдователи этого времени—Соловьевъ, Ист. Россія.. стр. 131. 528—535; Костомаровъ, Посл. годы Р. II. Стр. 39. 44; Антоновичъ (Арх. Юго-Зал. Россія, ч. III, т. 3, стр. 12. 24. 50); Кояловичъ М. Исторія воссоединенія.. стр. 89—94; Мякотинъ В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ (СНБ 1889) стр. 82—92 и др.

Гайдамачина была скоро подавлена, при помощи русскаго войска ¹⁾. Возстаніе, лишившись въ лицѣ своихъ вожаковъ главной нравственной силы, затихло. Все пришло въ прежній порядокъ, кромѣ отношеній между польскимъ и русскимъ населеніемъ, которыя крайне обострились. Въ то время, какъ хлопъ продолжали глухо волноваться и отъ неутешагося еще вполне недовольства, и отъ ясно обнаруженнаго несочувствія русскаго правительства къ гайдамацкому движенію, наскоро учрежденный въ Коднѣ польскій военный судъ (*judicium statarium*) производилъ страшныя казни надъ участниками возстанія ²⁾. Региментарь Стемиковский, предсѣдательствовавшій на судѣ, своею жестокостію произвелъ такое впечатлѣніе на народъ, что онъ тысячами сталъ покидать родину, направляясь въ Волощину, Крымъ, „Москву“, на Донъ ³⁾... „Владѣльцы (*dziedzice*), замѣчаютъ польскій историкъ, остались бы съ пустыми степями, если бы въ самомъ скоромъ времени не исходатайствовали у короля амністіи для оставшихся участниковъ бунтовъ“ ⁴⁾. Но оставшіеся на родинѣ очутились едва ли въ лучшемъ положеніи. Кодненскій судъ послужилъ лишь сигналомъ къ возобновленію прежнихъ неистовствъ со стороны фанатической шляхты. Только теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Уманскихъ событій, они производились съ несравненно большимъ озлобленіемъ. Сцены всякаго рода насилій, разыгравшіяся въ это время, до такой степени поражаютъ своею жестокостію, что предъ ними блѣднѣетъ всякое описаніе ⁵⁾.

¹⁾ Кояловичъ, Ист. воссоед. стр. 97—102; Костомаровъ, Посл. годы Р. П., стр. 104.

²⁾ Костомаровъ, стр. 104.

³⁾ Шульгинъ Я, Очеркъ колявщины... (Кіев. Стар. 1890 г., т. XXX, стр. 21).

⁴⁾ Likowski, Dzieje, k. u. str. 120.

⁵⁾ Архивъ Юго-Зал. Россія, ч. I, т. 3. См. также прошеніе Украинцевъ къ Екатеринѣ (Христ. Чтен. 1872, II, 368).

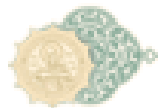
III.

Диссидентскій вопросъ послѣ перваго раздѣла Польши. Отрицательное отношеніе польскаго правительства и польской католической церкви къ уніи. Польская шляхта въ качествѣ базиса послѣдней.

Въ волнахъ народной крови политическій организмъ Польши приблизился къ окончательному разложенію. Тракта томъ 18 сентября 1773 года часть Польскаго государства была подѣлена между тремя иностранными державами ¹⁾. Но Украина (Подолія, Волинь и часть Кіевщины) не вошла въ составъ отдѣленныхъ отъ Польши областей и двадцать лѣтъ еще составляла принадлежность Польской короны. На нее-то и обратилась вся сила шляхетскаго негодованія, весь гнѣвъ оскорбленнаго національнаго самолюбія, потерпѣвшаго глубокій, непоправимый ударъ. Въмѣсто здравыхъ политическихъ предиріятій, которыми хотя отчасти можно было бы залечить рану, шляхта, повинуясь голосу патріотической мести, устроила походъ на Украину. „Пора намъ опомниться,— говорилъ одинъ изъ выразителей общественнаго мнѣнія въ то время,—мы покровительствуемъ тѣмъ, которые подлипаютъ только благопріятнаго времени, чтобы вырѣзать наше шляхетское сословіе. Пора бы покровительствуемыхъ нами нашихъ злѣйшихъ враговъ совершенно изгнать изъ королевства“ ²⁾. Шляхетскій походъ по обыкновенію принялъ форму крестового. Повидимому, желали вѣчнаго спасенія хлопцу, единственно возможнаго, по ихъ мнѣнію, подъ условіемъ принятія уніи. На самомъ же дѣлѣ подъ формой религіозной пропаганды проповѣдывался и практиковался безграничный произволъ по отношенію къ нему.

¹⁾ Volum. leg. t. VIII, str. 12—66.

²⁾ Труды Подольскаго Епарх. Историко-Статистич. Комитета (Каменецъ-Под. 1897). Вып. VIII, стр. 407.

Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ послѣднемъ походѣ правительство польское перемѣнило тактику,—оно мало принимало дѣйствительнаго участія въ немъ. Такой поворотъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ руководящихъ кругахъ произошла къ этому времени значительная перемѣна въ отношеніи къ уніи. То время, когда на унію смотрѣли, какъ на средство къ объединенію двухъ народностей, уже прошло. Вѣковой опытъ показалъ, что унія принесла съ собою не миръ, а раздоры и несогласія, что она не только не примирила враждовавшія стороны, но, наоборотъ, еще болѣе ихъ разъединила и отдалила другъ отъ друга. По вѣрному замѣчанію одного изъ тогдашнихъ дѣятелей православія, она постоянно „причиняла безпокойствіе Посполитой Рѣчи“ и постоянно „являлась причиною общественныхъ смятеній“¹⁾. Естественно, что при такомъ болѣе разлагающемъ, нежели созидющемъ вліяніи уніи на государственную жизнь, отношенія къ ней со стороны правительства и благоразумной части общества должны были измѣниться существеннымъ образомъ. И дѣйствительно, лица, поставленные во главѣ управленія, равнымъ образомъ и та часть націи, для которой благо отечества было дороже тѣхъ или другихъ формъ религіознаго созерцанія, стали приходить къ одинаковому убѣжденію, что унія—зло, что всюду сопровождающіе ея фанатизмъ и религіозное рвеніе являются источникомъ постоянныхъ смутъ въ государствѣ, что необходимо, поѣтому, парализовать ея энергію и дать больше средствъ къ самозащитѣ страдательной сторонѣ... И вотъ, въ послѣдніе годы существованія Польской республики, въ ней наблюдается слѣдующее любопытное явленіе. Прежде употреблялись всѣ средства къ поддержанію и распространенію уніи, одобрялись репрессивныя мѣры для привлеченія къ ней народа,—теперь, наоборотъ, правительство старается уменьшить степень ея вліянія и ограничить

¹⁾ Труды Пол. Ист.-стат. Ком. VIII, 378.

усиленное стремление къ прозелитизму, которымъ она заявила себя въ это время¹⁾. Король —человѣкъ европейски образованный, вкусившій французскихъ просвѣтительныхъ идей²⁾—издаетъ универсалы, направленные къ ограниченію латинопольскаго фанатизма и открыто выражаетъ нерасположеніе къ главнымъ дѣятелямъ уніи³⁾. Правительство обнародываетъ, съ своей стороны, увѣщательныя грамоты (*list'y*) къ уніатскимъ властямъ, гдѣ рекомендуетъ „удерживать духовенство и народъ отъ проявленія ненависти къ дизунитамъ, а тѣмъ болѣе отъ преслѣдованія ихъ и принужденія къ принятію уніи“⁴⁾. Польскіе паны, владѣвшіе украинскими помѣстьями, начинаютъ относиться съ замѣчательной терпимостью къ религіознымъ вѣрованіямъ подвластнаго имъ народа и ограждать его отъ насилій со стороны польско-уніатской партіи (кн. Ксаверій Любомірскій, кн. Адамъ Чарторыйскій, гр. Шенский-Шотоцкій, Іосифъ Понятовскій, кн. Салгушкова и др.)⁵⁾.

Положеніе уніи къ этому времени сдѣлалось еще болѣе неустойчивымъ: она перестала пользоваться прежними симпатіями польско-католической церкви. Если въ Римѣ все еще вѣрили въ великое значеніе уніи, какъ средства къ водворенію католичества на украинской территоріи, то здѣсь, на

1) Pelesz, Jul. Geschichte der ruthen. Kirche... S. 502—504; Likowski, Dzieje .. str. 128.

2) Костомаровъ Н. Посл. годы Р. П., стр. 76.

3) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. 2, стр. 155; Korzon Tad. Wewnętrzne dzieje .. str. 199; Likowski E. Dzieje.. str. 135.

4) Рудкевичъ С. Исторія Минской архіепископіи (СНБ. 1993), стр. 34. прим. 189; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. 2, стр. 152. 153. 157; см. также Diariusz Maksymiliana Rydla въ Наук. Сборн. Галицко-русской мат. 1866 г. Вып. III и IV, стр. 265 - 266.

5) Коляновичъ, Ист. возсоед., стр. 37; Likowski, Dzieje... str. 141; Костомаровъ, Посл. годы Р. П. Стр. 128—131; Мякотинъ, Крест. погр. въ Польшѣ... стр. 173—186; Korzon, Wewnętrzne dzieje... str. 207—208; Труды Кіев. дух. Акад. 1895, II, 258—276.

мѣстѣ ея существованія, давно уже перестали и думать объ этомъ. Здѣсь давно убѣдились, что усилія ея были направлены не къ сліянію съ господствующей Церковью, а къ созданію обособленнаго и независимаго отъ нея положенія, что она съ перваго же времени существованія своего выступила на борьбу не только съ православіемъ, но и съ польско-католической партіей. Насколько это было въ видахъ послѣдней и какого рода отношенія должны были создаться между представителями того и другого исповѣданія понятно само собою. Какъ на наиболѣе характерное явленіе въ исторіи этихъ отношеній можно указать на тотъ фактъ, что высшая католическая власть систематически отклоняла стремленіе высшаго униатскаго духовенства къ присутствованію въ сенатѣ и сеймахъ,—стремленіе вполнѣ справедливое съ точки зрѣнія польскаго политическаго устройства и законодательства ¹⁾, что католическое духовенство всегда и всюду стремилось подчеркнуть свое превосходство надъ духовенствомъ униатскимъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое презрительное отношеніе доходило до явнаго глумленія ²⁾, что нерѣдко оно въ соеди-

¹⁾ Volum. leg. t. IV, str. 77; Malinowski, Die Kirchen und Staats-Satzungen., S. 22. По поводу этого закона, его силы и значенія польскій историкъ саркастически замѣчаетъ: „*natura rzeczy silniejsza jest od prawa pisanego. Prosty, nieokrzestany wladzka ruski, zarówno politycznej jak religijnej wiary niepewny, jakze mógł stawac w jednym szeregu z episkopatem lacińskim, swiatlym, po europejsku wyksytalconym, i który tak dobrze przy królu Jmci, jak w wojewodztwie, najpierwswe dzierżył miejsce*“ (Kalinka IV. X. Sejm czteroletni. Lwow, 1884—1886. Т. II, str. 364). О безплодныхъ усиліяхъ униатовъ къ допущенію въ сеймы и сенатъ читаемъ также у Brodowicz'a: Widok przemocy na słaba niewinność srogo wywartej. Lwow, 1862. Cz. II, str. 97; Pelesz'a Gesch. d. ruth. K. s. 11—14.

²⁾ Антоновичъ, Монографіи... стр. 339—341; Pelesz, s. 547; Документы, объясняющіе исторію Западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. СПб. 1865. Стр. 542. Послѣ перваго раздѣла Польши епископъ Львовскій Левъ Шептицкій просилъ заступничества Маріи-Терезіи противъ насилій со стороны латинскаго духовенства. „*Canonici latini (polonici)*—жаловался онъ—*clerum mei ritus variis ac indignis modis tractare, vexare, irridere, contemnere,*

неніи съ шляхтою совершало такія же притѣсненія и насилія надъ униатами, какими характеризовались его отношенія и къ православнымъ ¹⁾).

При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ къ правящимъ классамъ Польши—политическому и церковному, униатская партія, естественно, не могла рассчитывать на ихъ поддержку. Эту поддержку она нашла въ среднемъ классѣ польскаго общества, въ той мелкой или т. н. загоновой шляхтѣ, которая съ давнихъ поръ заплонила Украину, наводнивъ ее безчисленнымъ множествомъ всякихъ комиссаровъ, губернаторовъ, экономовъ, посессоровъ, закупщиковъ, хореньжихъ, лѣсничихъ, замковыхъ писарей и т. д. ²⁾). Шляхтичъ еще на школьной скамьѣ воспитывалъ въ себѣ чувство ненависти и презрѣнія къ русскому хлопцу. Монахи, руководившіе его воспитаніемъ, постоянно внушали ему, что только одинъ католикъ можетъ угодить Богу, а прочіе иновѣрцы суть исчадіе діавола ³⁾). Отсутствіе истиннаго гуманнаго элемента въ тогдашней польской школѣ не давало возможности противодействовать развитію чувства національнаго самомнѣнія уравнивающимъ вліяніемъ болѣе благородныхъ взглядовъ и стремленій ⁴⁾). По выходѣ изъ

---

quinimo gravissimis injuriis afficere, et sic suis oviculis despectum contemptumque reddere non exhorrescant. Ruthenos canes, fidem vero, quam profitemur, caninam appellant, optimos mei ritus sacerdotes per contemptum schismaticos, ecclesias synagogos, presbyteros popos vocitant“ (Петрушевичъ А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись. Львовъ, 1887—89. Ч. II, стр. 60—61). Такія же жалобы находимъ и у предшественниковъ Шелля (Malinowski, Die Kirchen und Stats-Satzungen... s. 286), а также въ дневникѣ Максим. Рыло (Наук. Сборн. Галицко-русска. Матицы. 1866 г. Вып. III и IV, стр. 256).

¹⁾ Антоновичъ В. Монографія... I. 336—338.

²⁾ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. 1, т. 2, стр. XLIII; Козловъ, Ист. возсоед., стр. 37.

³⁾ Антоновичъ, Монографія... I, 283—84; Костомаровъ, Посл. годы Р. П., стр. 58; Петрушевичъ А. С. Сводная лѣтопись... II, 40; Lukaszewicz, Historia szkół (Poznań, 1849). Т. I, str. 252—259.

⁴⁾ Костомаровъ, Посл. годы Р. П., стр. 50; Lukaszewicz, Hist. szkół, str. 266—271.

ликолы оно еще болѣе крѣпло и развивалось. Жизнь вносила въ его содержаніе новый живучій элементъ—племенную вражду.—Конечно, въ благоустроенномъ государствѣ симпатіи отдѣльныхъ лицъ и сословій необходимо подчиняются общимъ государственнымъ интересамъ, и проявленіе ихъ въ случаяхъ, не соотвѣтствующихъ этимъ интересамъ, сдерживается правительственной властью. Но при томъ упадкѣ власти въ Польшѣ, какой наблюдается въ описываемую эпоху¹⁾, не могло существовать сдержки для своевольной шляхты, и необузданная шляхетская натура могла безнаказанно проявлять свои антипатіи въ самыхъ дикихъ и безобразныхъ формахъ. Дѣятели униі хорошо поняли, какую могучую силу могла представлять собою эта нравственно недисциплинированная масса, если сплотить ее во едино на почвѣ общихъ ей чувствъ и стремлений. Они привлекли ее къ своему дѣлу. Въ то время, какъ одна часть польской шляхты, засѣдавшая на сеймахъ, упорно противилась улучшенію участи православно-русскаго населенія и въ фанатическомъ ослѣпленіи нерѣдко требовала казни и конфискаціи имущества за исповѣданіе схизмы²⁾,—другая вмѣстѣ съ униатскими властями развѣзжала по Украинѣ и совершала невообразимыя безчинства.

IV.

Участіе русскаго правительства въ рѣшеніи диссидентскаго вопроса. Политическая система Екатерины II и ея сотрудниковъ въ отношеніи къ польско-украинскому православному населенію

Съ давнихъ поръ украинцы обращали взоры на сѣверъ. Еще во времена Хмѣльницкаго симпатіи народа склонялись безраздѣльно на сторону Россіи именно потому, что Русь

¹⁾ Костомаровъ, Н. Посл. годы Р. II., стр. 38, 40; Соловьевъ, История Россіи., стр. 58; Коляковъ, Ист. воевод., стр. 167.

²⁾ Korzow Tad. Wewnętrzne dzieje., str. 182; Петрушевичъ, Гал.-русск. лѣт. II, 30. „Zabiegając zaś zgorszeniu apostatowie, czyli odstępcy od wiary, bez wszelkiego ich ochramana śmiercią i konfiskowaniem całego majątku i do-
Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

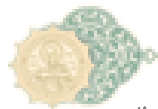
представлялась народному сознанию единственной избавительницей отъ польско-уніатскаго ига ¹⁾). Надежды эти не остались безплодными. Русскіе властители признали защиту православныхъ въ Польшѣ вполне отвѣчающей дѣйствительнымъ интересамъ своего государства. Кровное родство, единство вѣры, единство политическое въ древности—все это связывало два народа надежными и крѣпкими узами. Царь Алексѣй Михайловичъ, принявъ подъ крѣпкую руку лѣвобережную Украину, не оставилъ безъ вниманія и жителей праваго берега Днѣпра. Въ Андрусовскомъ договорѣ 1686 г. онъ рѣшительно высказалъ и свое сочувствіе къ нимъ, и право вмѣшиваться для облегченія ихъ участи во внутреннія дѣла Польши ²⁾). Петръ I слѣдовалъ политикѣ отца. Онъ горячо заступался за гонимый народъ, хотя значительнаго успѣха и не имѣлъ. Фанатизмъ въ его время ослѣпилъ до такой степени польскую націю, что о послабленіи православнымъ не могло быть и рѣчи. Наоборотъ, въ ту пору появился и былъ официально признанъ извѣстный проектъ объ уничиженіи русской вѣры и русской народности въ краѣ ³⁾). Правительство Анны въ диссидентскомъ вопросѣ слѣдовало общимъ завѣтамъ предшественниковъ. Но русская политика въ Польшѣ не имѣла ни прежней ясной программы, ни преж-

bytku aby Karani byli, upraszamъ“. Подъ „apostatowie“ здѣсь разумѣлись не только дѣйствительные стеснители, но и насильно совращенные въ унию и католичество, а послѣ снова присоединившіеся къ православію. Такое превратное пониманіе отступничества особенно ясно сказалось въ нашу эпоху.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій П. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі (Москва, 1805), стр. 119—120.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Т. II, № 1186, стр. 777.

³⁾ Чистовичъ И. Очеркъ исторіи Западно-русской Церкви (СПб. 1882), ч. II, стр. 50—60; Бантышъ-Каменскій, Ист. изв. о возн. въ Польшѣ униі, стр. 152—252, Malinowski M. R. Die Kirchen und Staats-Satzungen... s. 43; Щербальскій П. Русская политика и русская партія въ Польшѣ до Екатерины II (Москва, 1864), стр. 7—13. Проектъ находится у Brodowicz'a, Widok przemocu... cz. II, а также въ Supplem. ad histor. Russiae monumenta (СПб. 1848), pag. 221—226.

ней твердости и устойчивости. Политическая жизнь Россіи заправлялась теперь людьми фавора, авантюристами, для которых историческія задачи государства были чужды и непонятны ¹⁾. При Елисаветѣ, когда всѣ силы государства сосредоточились на Семилѣтней войнѣ, было не до диссидентовъ. Вся защита послѣднихъ ограничивалась дипломатическою перепискою ²⁾.

Въ 1762 году на русскій престолъ вступила Екатерина II. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя рождаются вѣками. Глубокій политическій умъ, все взвѣшивавшій, постигавшій самыя тонкія и сложныя построенія дипломатическаго искусства, и непреклонная сила воли, не останавливавшейся ни предъ какими препятствіями—таковы отличительныя черты женщины, какъ будто созданной для царственного служенія. Диссидентскій вопросъ обострился къ ея времени весьма сильно ³⁾, и она приняла самое дѣятельное участіе въ его разрѣшеніи. Каковы были задачи и цѣли Императрицы въ ея польско-украинской политикѣ?

Прежде всего, нужно признать за несомнѣнное, что Екатерина защищала польскихъ православныхъ не по религиознымъ побужденіямъ, но политическимъ—въ тѣсномъ, узкомъ смыслѣ слова. Уніатскіе историки заблуждаются, когда утверждаютъ, что Екатерина стремилась только къ водворенію на польской территоріи вѣротерпимости ⁴⁾. Положимъ, лично она раздѣляла этотъ принципъ, что такъ ясно отразилось въ ея знаменитомъ Наказѣ ⁵⁾. Но не нужно забывать, что

¹⁾ Щербальскій II. Стр. 13—17; Чистовичъ, II. 60—112.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи... Стр. 129.

³⁾ Это видно изъ рѣчи Георгія Конисскаго, сказанной при коронаціи Екатерины. Гантышъ-Каменскій Н. Ист. изв. о возн. въ Польшѣ уніи, стр. 373—374; Соловьевъ, V, 1372—1373.

⁴⁾ Pelesz Jul. Gesch. d. ruthen. Kirche. . s. 507.

⁵⁾ Наказъ, данный Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія (СНБ. 1770). §§ 494—496. Стр. 320—322; Плат. Собр. Зак. 1794, стр. 275.

такая черта служила не столько признакомъ уваженія Екатерины къ свободѣ религіозной совѣсти, сколько была слѣдствіемъ ея религіознаго индифферентизма. Вопросы религіи для нея въ сущности не имѣли значенія. Она зачитывалась философами Франціи, законодателями тогдашней европейской мысли, и они не могли, конечно, не оказать вліянія на складъ ея міровоззрѣнія. Въ одномъ письмѣ къ Вольтеру она называетъ его своимъ учителемъ — „вы меня мыслить приучили“¹⁾. Какъ мыслилъ самъ Вольтеръ, особенно въ религіозной области, извѣстно ²⁾.

Во время коронаціи Екатерины въ Москву былъ вызванъ въ числѣ другихъ извѣстный ревнитель православія Оеофанъ Леонтовичъ-Доруминъ, игуменъ Виленскаго Свято-Духова монастыря. Имъ были изготовлены двѣ записки къ Императрицѣ о бѣдственномъ положеніи православныхъ въ Польшѣ. Записки были поданы, прочтены и возвращены въ Сенатъ съ резолюціей: „какая политическая польза можетъ послѣдовать російскому государству по случаю защищенія греко-російскихъ въ польскомъ государствѣ исповѣдниковъ?“ „Російскому нашему государству—отвѣчалъ игуменъ—можно будетъ на 600 верстъ самой лучшей и плодороднѣйшей земли, съ безчисленнымъ православнымъ народомъ, предъ всѣмъ свѣтомъ праведно и правильно у Поляковъ отобрать ³⁾“. Отвѣтъ Леонтовича какъ нельзя удачнѣе совпалъ съ тайными видами и намѣреніями Императрицы. Черезъ два года—11 апрѣля 1764 года она заключила съ Фридрихомъ II прусскимъ секретную конвенцію, гдѣ рѣшенъ былъ положи- тельно и безповоротно раздѣлъ Польши ⁴⁾. Вотъ въ этомъ

¹⁾ Чтен. въ Общ. люб. дух. Просв. 1874, I, 157.

²⁾ Ibid. I, 147—152.

³⁾ Щербальскій П. Русская полит. и парт. въ П, до Екат. II, стр. 31, 33.

⁴⁾ Шлоссеръ. Исторія восемнадцатаго столѣтія (СНБ. 1853), стр. 139—140; Hermann Aug. Die Gesch. Russlands. B. IV, s. 12; Theiner Aug. Neuster Zu-

фактъ и заключается ключъ къ разгадкѣ политической системы Екатерины въ диссидентскомъ вопросѣ. Защищая православныхъ, она хотѣла расположить къ себѣ народныя симпатіи. Она стремилась къ популярности, къ *славѣ* въ той области, которую думала присоединить къ Россіи ¹⁾. Она имѣла въ виду создать свою политическую партію въ Польшѣ. Ее должно было составить все украинское населеніе. Вѣрное политическое чутье подсказало ей, что если партія, составленная изъ людей въ сущности безправныхъ, не представитъ собою политической величины, съ какою правительству приходится вести серьезные счеты, то за то въ необходимую минуту она дастъ такую нравственную поддержку, какой не дала бы ни одна партія въ сеймѣ. Она была увѣрена, что народъ по первому призыву заявитъ ей свою преданность. Какъ извѣстно, все ея ожиданія и расчеты оправдались ²⁾.

Политика, какъ извѣстно, прямолинейности не любитъ. Сама она можетъ быть послѣдовательной и логичной, но пути избираетъ неровные и извилистые. Это мы и замѣча-

stände... s. 148—149. 151; Pelesz, Gesch. d. ruth. Kirche, s. 545; Костомаровъ, Посл. годы Р. П. стр. 80. См. также письмо Н. И. Панина къ вѣнскому послу кн. Голицыну (Сборникъ Русскаго Историч. Общ. т. 97, стр. 519).

¹⁾ „Миѣ—писала Екатерина Репнину—остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; моя слава заинтересована въ обоихъ“. Соловьевъ, Ист. Россіи... Стр. 54—55, 129—130.

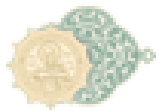
²⁾ Уніатскій историкъ не безъ горькой ироніи констатируетъ этотъ фактъ. „Населеніе Украйны находилось на низкой степени развитія, но при всѣхъ своихъ недостаткахъ оно было благочестиво и предано церкви. Уніатскіе миссіонеры въ періодъ 1739—1768 г.г. немало потрудились къ просвѣщенію его, однако невозможно было столѣтіями заполоненный схизмой и невѣжествомъ народъ просвѣтить до степени утвержденія въ унію—такъ, чтобы въ минуты опасности ея онъ оставался ей вѣренъ. Въ тѣ времена, когда народъ этотъ жилъ въ установленныхъ уніатскими властями формахъ религіознаго быта, онъ твердо держался уніи и видѣлъ высшую государственную власть въ Варшавѣ. Но какъ скоро русскими миссіонерамъ удавалось, при помощи оружія, замѣнить уніатскихъ пастырей слѣдными схизматическими невѣждами (Ignorante), тотъ же самый народъ переставалъ видѣть главу церкви въ Римѣ,—онъ видѣлъ ее въ Петер-

емъ въ разсматриваемую нами эпоху. Пока не произошло раздѣла польши, Петербургскій дворъ не только ходатайствовалъ въ Варшавѣ за православныхъ, но даже далъ въ ихъ распоряженіе русскія военныя команды. Но послѣ раздѣла образъ дѣйствій русскаго правительства принимаетъ обратный характеръ. Защита войска не только отнимается, но предоставляется даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ враждебной сторонѣ. Въ законодательныхъ соглашеніяхъ съ Польшей правительство русское допускаетъ значительныя ограниченія правъ и привилегій диссидентскихъ. Жалобы православныхъ въ Петербургѣ принимаютъ холодно и безучастно. Для историка, внимательно изучающаго прошедшую судьбу Польши, едва ли будетъ затруднительнымъ уясненіе смысла и значенія указанныхъ фактовъ. Онъ съ очевидностью можетъ убѣдиться, что польское общественное мнѣніе было раздражено первымъ раздѣломъ Польши до послѣдней степени. Его нужно было успокоить, такъ какъ въ дальнѣйшихъ видахъ Екатерины и ея союзниковъ были и другіе раздѣлы, уже окончательные. И, конечно, лучшаго успокоенія не могло быть, какъ уступки въ диссидентскомъ вопросѣ, въ отношеніи къ которому польская нація была наиболѣе упряма и несговорчива.

Эту раздвоенность русской политики, это колебаніе и неустойчивость мы замѣчаемъ на всемъ протяженіи эпохи. Только ею и могутъ быть объяснены прискорбныя столкновенія Синода съ Коллегіей иностранныхъ дѣлъ по дѣламъ украинцевъ. Столкновенія эти имѣли мѣсто и раньше ¹⁾, но

бургѣ. А такъ какъ эта глава была вмѣстѣ и главой мірской, государственной, то легко было въпросвѣщенный народъ привести къ сознанію (химерѣ—Wahne), что Петербургъ—глава не только въ церковномъ отношеніи "... Pelesz, Geschichte der ruthenischen Kirche.. s. 541. Подобные взгляды высказывались—не безъ основанія, конечно—и въ официальныхъ сферахъ Польши, церковныхъ и гражданскихъ. См. Theiner Aug. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae (Romae, 1864). Т. IV, pag. 562

¹⁾ Чистовичъ И. Очеркъ исторіи Зап.-русской Церкви. Ч. II, стр 66 и дал.

съ особенною силой развились при Екатеринѣ. Православные посылали жалобу за жалобой въ Синодъ, послѣдній передавалъ ихъ Иностранной Коллегіи. Но тамъ руководствовались другими мотивами—политическими, и жалобы въ большинствѣ случаевъ оставались безъ послѣдствій. Только въ этой раздвоенности и получаетъ надлежащее освѣщеніе тотъ фактъ, что когда украинцы просили помощи и защиты отъ польско-уніатскихъ насилій, имъ указывали, что для нихъ полезнѣе хлопотать у своего правительства и добиваться, главнымъ образомъ, гражданскихъ правъ, при чемъ обѣщали въ то же время и свою помощь ¹⁾...

Несомнѣнно, на ходъ и направленіе диссидентскаго дѣла оказывали въ значительной степени вліяніе и тѣ русскія государственные дѣятели, которые соприкасались съ нимъ по своему служебному положенію. То были въ нашу эпоху—министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Н. И. Панинъ и русскій посолъ въ Польшѣ гр. Оттонъ Штакельбергъ. Но они, какъ и всѣ другіе слуги Екатерины, мало проявляли собственной инициативы. Они были лишь рабскими исполнителями ея воли. Екатерина умѣла выбирать способныхъ людей, но самостоятельности имъ не давала. У Панина, даже въ официальной перепискѣ, обыкновенно безличной и сухой, обнаруживаются иногда признаки живого сочувствія къ украинцамъ. Онъ боялся, напр., чтобы вслѣдствіе гоненій „состояніе ихъ не было превращено въ сущее моральное небытіе“ ²⁾. Но система его дѣйствій по отношенію къ нимъ основана была всецѣло на указаніяхъ Императрицы ³⁾.—Баронъ Штакельбергъ замѣнилъ въ Варшавѣ Самберна, человека горячаго, вспыльчиваго, и потому иногда безтактнаго. Штакельбергъ имѣлъ натуру уравновѣшенную, не увлекающуюся, умъ ясный и трезвый, и врожденный тактъ. Англійскій посланникъ далъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи... Стр. 429, 949.

²⁾ Сборн. Русскаго Истор. Общ., т. 97, стр. 147—148.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи... стр. 429, 949.
Подъ редакціей Киевской Духовной Академіи и Семинаріей,
<http://kda.is.kiev.ua>

своему министерству характеристику о немъ, какъ о человѣкѣ „съ гибкимъ и примѣняющимся къ обстоятельствамъ характеромъ¹⁾.“ Вообще, это былъ дипломатъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Но въ отношеніи къ диссидентамъ онъ, какъ и Панинъ, слѣдовалъ только инструкціямъ Екатерины²⁾. Недовольство имъ украинцевъ, которое, какъ увидимъ, высказывалось не разъ, понятно. Какъ нѣмецъ и лютеранинъ, онъ, конечно, не могъ имѣть особеннаго расположенія къ нимъ, и личное настроеніе его выражалось иногда въ довольно откровенныхъ формахъ. Но въ общемъ политика его исходила изъ вышихъ предписаній, и представлять его такимъ яркимъ гонителемъ православныхъ, какъ представляетъ, напр., Кояловичъ, объясняющій всѣ отрицательныя распоряженія посланника касательно диссидентовъ личными антипатіями его къ послѣднимъ³⁾,—значить извращать историческую дѣйствительность.

Таково въ общихъ чертахъ религіозно политическое состояніе эпохи, въ которую выступилъ на общественное поприще въ качествѣ епископа польско-украинскихъ церквей преосвященный Іовъ Базилевичъ.

А. Войтковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сборн. Русск. Истор. Общ. Т. 18, стр. 292.

²⁾ Солоневъ, Ист. Россія... стр. 1075.

³⁾ Кояловичъ, Ист. восток., стр. 153. Крисп. Гено, 1872, II, 372.